

18+

Виктор Харебов
**Сломанное
копье**

Виктор Харебов

**Сломанное копье.
Тайна замка Рошфора**

«Издательские решения»

Харегов В.

Сломанное копье. Тайна замка Рошфора / В. Харегов —
«Издательские решения»,

Три года Элеонора ждала своего рыцаря из Святой земли. Но когда Гийом вернулся, он застал лишь пепел и предательство. Элеонору обвинили в колдовстве, а её замок захватил самозванец. Чтобы спасти любимую от костра, Гийом должен выиграть смертельный судебный поединок. Но победа в бою — лишь начало. Им предстоит раскрыть тайну замка Рошфор, где ложь переплелась с кровью, а клятва оказалась сильнее смерти.

© Харегов В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Пепел Святой Земли	6
Глава 1. Башня молчания	9
Глава 2. Пятеро в чёрном	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сломанное копье Тайна замка Рошфора

Виктор Харебов

© Виктор Харебов, 2026

ISBN 978-5-0070-7720-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Пепел Святой Земли

Пустыня не прощала никого. Ни королей, носивших на плащах вышитый крест, ни простых солдат, чьи имена никогда не войдут в хроники. Песок здесь был одного цвета с кровью — тёмно-бурым, почти чёрным, когда солнце садилось за горизонт, и оба эти оттенка сливались в единый цвет смерти.

Гийом де Валанс лежал лицом вниз в раскалённой пыли, и каждый вдох давался ему с таким трудом, словно вместо воздуха он вдыхал осколки стекла. Его латная рубаша, ещё утром сиявшая полированной сталью, теперь была пробита в трёх местах. Из рёк сочилась кровь, пропитывая кольчугу, прилипая к телу, превращая металл в раскалённый обруч, сжимающий грудь.

Где-то рядом хрипел конь — его боевой жеребец Брис, верный до последнего вздоха. Гийом попытался приподняться на локте, но рука предательски подогнулась, и он снова рухнул лицом в пыль. В ушах звенело — этот особый, тонкий звон, который приходит к человеку, когда душа уже наполовину покинула тело.

— Валанс! Гийом де Валанс!

Голос был далёким, словно доносился из-под воды. Он узнал его — это был Арно, его знаменосец. Но голос обрывался криком, и крик этот быстро стих, как гаснет фитиль, опущенный в масло.

Гийом повернул голову с невероятным для раненого усилием. В тридцати шагах от него сарацины окружили последнего из франков. Арно бился на коленях, удерживая меч одной рукой, потому что другая была отсечена у плеча. Он был молод, этому Арно, едва минуло двадцать, и он впервые вышел в поход, мечтая о подвигах, о дамских платках, о славе. Теперь его меч был красным по рукоять, а глаза — пустыми, как у мёртвого.

Сарацинский воин с изогнутым клинком сделал шаг вперёд. Арно успел ещё раз поднять меч, но удар был быстр, как молния, и голова знаменосца покатилась по песку, остановившись у копыт Гийомова коня. Брис дёрнулся, рванул поводья и рухнул, сражённый стрелой в шею.

Гийом закрыл глаза. Он знал, что сейчас придут за ним. Он был слишком известен, слишком опасен, чтобы его убили просто так, как рядового воина. Гийом де Валанс, «Чёрный Ястреб» — так называли его и друзья, и враги. За его голову сарацины заплатили бы золотом, а не кровью.

Тени упали на его лицо. Он почувствовал, как грубые руки хватают его за плечи, переворачивают на спину. Боль в рёбрах вспыхнула ослепительным белым светом, и он едва не потерял сознание. Но не потерял. Он смотрел в небо — безжалостное, синее, равнодушное небо Востока — и думал только об одном.

Она будет ждать. Она не поверит. Она будет ждать.

В кожаном кошельке, пришитом к внутренней стороне его кольчуги, лежал маленький медальон. В нём — прядь светлых волос и крохотный, нарисованный на пергаменте портрет. Женщина с серьёзными серыми глазами и тонкой улыбкой. Элеонора де Рошфор. Его невеста. Его жизнь. Его клятва.

Он дал ей эту клятву четыре года назад, в день отъезда в Святую землю, в маленькой капелле замка Рошфор, когда епископ соединил их руки, и она шепнула ему на ухо: «Возвращайся. Или я умру от тоски». Он обещал. Рыцарь де Валанс никогда не нарушал клятв.

— Веди его, — прорычал кто-то над ним на ломаном французском. — Наш господин хочет увидеть «Чёрного Ястреба» живым.

Его потащили по песку, волоча за руки. Боль была такой, что он наконец позволил себе провалиться в темноту. Последнее, что он увидел перед тем, как потерять сознание, — как сарацинский воин с изогнутым клинком наклоняется, чтобы снять с его шеи цепь с крестом.

Но цепь не снималась — она уходила под кольчугу, и на её конце, глубоко у сердца, висел медальон.

Я вернусь, Элеонора. Клянусь тебе. Это была его последняя мысль, прежде чем тьма сомкнулась над ним...

В то самое время, когда Гийом лежал в песках за тысячу миль от дома, в маленькой капелле замка Рошфор горели свечи. Их пламя дрожало, отбрасывая длинные тени на каменные стены, на которых были высечены гербы рода де Рошфор — три серебряные башни на лазурном поле.

Элеонора де Рошфор стояла на коленях перед алтарём. Ей было двадцать два, и она носила траур не по умершему, а по живому — по тому, кто не вернулся. Три месяца назад гонец из королевской армии принёс весть: «Мессир Гийом де Валанс пал в битве при Мансуре. Тело не найдено. Считается погибшим за веру».

Но Элеонора не верила. Она знала — чувствовала каждой клеточкой своего тела, — что он жив. Женщины её рода, говорили старые служанки, обладали даром предчувствия. Её мать знала за день, что её брат погибнет в море. Её бабушка видела во сне пожар за три ночи до того, как замок горел. А Элеонора не видела ничего. Только тишину. И эта тишина говорила ей, что он жив.

Она молилась не о его возвращении — она молилась о его защите. Каждую ночь, каждую свободную минуту, когда не читала медицинские трактаты, не лечила крестьянских детей, не спорила с отцом о правах вассалов.

— Мадам, — голос старой Марго, её кормилицы, вырвал её из молитвы. — К вам гонец. От вашего отца. Он... он просит вас спуститься в зал.

Элеонора поднялась, отряхивая платье. Что-то в голосе старой женщины заставило её сердце сжаться.

— Что случилось, Марго?

Та замялась, её морщинистые руки теребили край передника.

— Лучше вам услышать это от барона, мадам.

В большом зале барон Рошфор сидел в своём кресле, и Элеонора сразу поняла — случилось несчастье. Отец был человеком крепким, бывалым воином, но сейчас его лицо было серым, как пепел в очаге. Рядом с ним стоял человек в дорожном плаще, покрытом пылью трёх королевств.

— Дочь моя, — голос барона дрогнул. — Это... это второе известие. Из самого Парижа. От легата короля.

Гонец развернул пергамент с сургучной печатью и начал читать. Элеонора слушала, не шевелясь. Слова падали в тишине зала, как камни в глубокий колодезь.

«...подтверждаем гибель мессира Гийома де Валанс в сражении при Мансуре. Свидетели — мессир Тибо де Монреаль и мессир Арно де Вильнёз, последний из которых скончался от ран. Тело не найдено, но показания единогласны. Считать погибшим. Память его да будет благословенна...»

Она не плакала. Слезы не шли. Внутри неё что-то оборвалось — тонкая нить, которая всё это время связывала её с далёкой землёй, с песками, с битвой. Но другая нить — та, что шла от сердца к сердцу, — осталась цела.

— Нет, — сказала она тихо.

Барон поднял на неё глаза.

— Элеонора...

— Он жив, отец. Я знаю. Я чувствую.

— Дочь моя, прошло три месяца. Легат короля... сам епископ подтверждает...

— Епископ ошибается, — сказала она твёрдо. — Или лжёт.

Она не знала тогда, как права была в последнем. Епископ Бертран, высокий, худой человек с глазами, похожими на два куска льда, действительно лгал. Но не о Гийоме — о другом. О том, что уже точило его душу, уже плело сети, уже готовило для рода де Рошфор петлю.

Элеонора повернулась и вышла из зала. Она поднялась в свою комнату, где на столе лежали раскрытые трактаты — «О свойствах трав» Гильома де Салисе и старый арабский манускрипт, переведённый ею самой. Она села, взяла перо и начала писать. Не письмо — никто не знал, куда его послать. Она писала клятву. Свою.

«Если ты жив, Гийом, я буду ждать. Год, десять лет, всю жизнь. Если ты мёртв — я не выйду ни за кого. И ни один мужчина не коснётся моей руки. Я клянусь тебе верностью за пределами смерти».

Она запечатала пергамент своим кольцом и спрятала в ларец, под старые платья. Потом встала, подошла к окну. За окном простиралась долина — зелёная, мирная, залитая вечерним солнцем. Она ещё не знала, что через четыре года эта долина будет гореть. Что её отец будет мёртв. Что она будет сидеть в сырой темнице, ожидая костра.

Она знала только одно: Гийом вернётся. Или она умрёт, не дождавшись.

А в тысяче миль отсюда, в подземелье каирской крепости, Гийом де Валанс открыл глаза. Раны его были перевязаны грязными тряпками, в плече горел огонь, но он был жив. Он лежал на каменном полу, прикованный за ногу к стене цепью, и в его голове звучал один голос. Тонкий, как серебряный колокольчик. Голос Элеоноры.

«Возвращайся. Или я умру от тоски».

Он улыбнулся в темноте — впервые за много дней. Улыбнулся, разодрав сухие, потрескавшиеся губы.

— Я вернусь, — прошептал он на языке, который не поняли бы его тюремщики. — Клянусь.

Это была его первая клятва в плену. И не последняя.

За стенами крепости шумел чужой город, пахло специями и кровью, и где-то в далёкой Франции, в маленькой капелле, догорали свечи над пустым алтарём. Четыре долгих года им предстояло ждать друг друга. Четыре года, полных битв, предательств, огня и стали. Четыре года, которые изменят их обоих до неузнаваемости.

Но клятва, данная на крови и любви, сильнее любых стен.

Глава 1. Башня молчания

Сырость пробирала сквозь камень, сквозь платье, сквозь кожу — она была везде, как невидимый зверь, обнимавший её холодными лапами. Элеонора де Рошфор сидела на узкой скамье, прижавшись спиной к стене, и считала капли, падавшие с потолка в лужу у её ног. Одна. Две. Три. Счёт помогал не сойти с ума.

Она не знала, сколько времени провела в этой башне. Три дня? Пять? В подземелье не было ни окон, ни смены света — только вечный полумрак, в котором факел у двери горел тускло, словно ему самому было тошно освещать это место. В воздухе пахло плесенью, старой соломой и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным запахом, который она, как дочь врача, сразу узнала. Запахом гниющих ран.

Барон Рошфор умер вчера. Или позавчера. Элеонора уже перестала различать дни. Ей сказали об этом через решётку — старый тюремщик, которого она когда-то знала ещё ребёнком, который приносил ей яблоки из сада, когда она была маленькой. Теперь его лицо было чужим, глаза бегали, и он не смотрел ей в глаза.

— Барон скончался от раны, мадам, — пробормотал он, стоя по ту сторону решётки. — Случайно. В суматохе. Похоронен в неизвестной могиле, ибо... ибо он был врагом Церкви.

Элеонора не плакала. Слезы кончились в первую ночь, когда её привели сюда, сорвав с шеи крест и отобрав медальон с прядью волос Гийома — тем самым медальоном, который она хранила как реликвию. Теперь она была пуста, как выжженная земля. Внутри неё остался только один огонь — тихий, ровный, неугасимый. Огонь ярости.

— Случайно, — повторила она, и её голос прозвучал в каменном мешке странно тихо. — Мой отец был лучшим фехтовальщиком в графстве. Он не получил бы «случайную» рану от простого солдата.

Тюремщик дёрнулся, словно от удара.

— Мадам, не говорите так. Здесь стены имеют уши.

— Пусть слушают, — сказала она. — Пусть слушают все. Я не совершила никакого преступления.

Но тюремщик уже бежал прочь, его шаги быстро стихли в винтовой лестнице. Элеонора снова осталась одна.

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить, как всё началось. Три недели назад. Всё было так внезапно, как удар молнии.

Сначала пришёл епископ Бертран. Высокий, худой, с лицом, похожим на пергамент, на котором выцвели все чернила, кроме самых злобных. Он явился в замок с отрядом воинов графа де Монфора — «по делу о ереси и колдовстве», как он объявил. Элеонора стояла в большом зале, рядом с отцом, и слушала, как епископ зачитывает обвинения.

— Элеонора де Рошфор, дочь барона Рошфора, обвиняется в сношениях с нечистой силой, в изготовлении ядовитых зелий, в порче скота и людей, в чтении запретных книг, в ереси против Святой Церкви.

Она не успела даже ответить. Её отец, старый воин, схватился за меч. Но солдат было двадцать, а он был один. Первый удар пришёлся ему в спину. Он упал, не закончив даже слова. Элеонору схватили, и она видела, как кровь отца растекалась по каменным плитам зала, на которых были высечены гербы их рода. Три серебряные башни. Теперь одна из них была омыта кровью.

Потом были допросы. Её пытали не железом — епископ был слишком хитёр для этого. Его пыткой были слова. Он сидел напротив неё в холодной комнате, и его голос был тихим, почти ласковым.

— Милая дочь, зачем ты изучаешь арабские книги? Зачем варишь травы для крестьян? Зачем знаешь имена звёзд, которые не упомянуты в Писании? Разве тебе мало того, что открыла нам Святая Церковь?

— Я лечу людей, преподобный отец, — отвечала она. — Травы, которые растут в нашем саду, лечат лихорадку и раненых. Это знание пришло от Галена и Гиппократы, от отцов Церкви, которые сами читали древних.

— Гален был язычником, — улыбнулся епископ. — И арабы, у которых ты брала свои книги, — неверные. Ты читаешь их, значит, ты думаешь, как они. А кто думает, как неверные...

Он не закончил. Не нужно было. Обвинение было готово.

И тогда появился граф де Монфор.

Элеонора видела его раньше — на турнирах, на пирах. Высокий, красивый, с улыбкой, которая никогда не касалась глаз. Он был соседом, вассалом короля, человеком, который должен был защищать её отца. Но теперь он стоял рядом с епископом, и в его глазах она читала только одно — голод.

— Барон Рошфор был болен ересью, — сказал Монфор, когда её вели на допрос. — Его дочь унаследовала эту болезнь. Земли Рошфора должны быть переданы Церкви и верным вассалам, дабы не распространялась зараза.

— Эти земли принадлежат мне по праву рождения, — ответила она. — Мой отец был верен королю.

— Твой отец был еретиком, — мягко сказал Монфор. — А ты, милая кузина, — ведьма.

Кузина. Он был дальним родственником, и именно поэтому претендовал на наследство. Земля, которую не мог взять силой, он брал через огонь и инквизицию.

И вот теперь — «Суд Божий».

Элеонора открыла глаза. В дверях темницы стоял другой человек — не тюремщик, а воин в гербовом плаще Монфора. На плаще был вышит чёрный ворон на красном поле.

— Элеонора де Рошфор, — произнёс он, и голос его был громким, репетируемым. — Завтра в полдень на поле у стен замка состоится «Суд Божий». Церковь, в милосердии своём, даровала тебе право иметь защитника — рыцаря, который прольёт кровь вместо тебя на судебном поединке. Таков древний закон: когда дама не может биться сама, за неё бьётся её чемпион — её рука и её меч. Если твой чемпион победит — ты будешь оправдана. Если проиграет...

Он не закончил. Не нужно было.

— Кто мой обвинитель? — спросила Элеонора.

— Граф де Монфор, как представитель Церкви и короны, выдвигает обвинение. Его чемпион — мессир Рено де Бомон.

Элеонора почувствовала, как холод проходит по её спине, словно ледяная рука. Мессир Рено... «Красный Бык». Гигант семи футов ростом, человек, который на турнирах убивал лошадей одним ударом меча. Говорили, что за последние пять лет на судебных поединках он не оставил в живых ни одного противника. Его меч был длиннее, чем у других, и его рука была тяжела, как молот.

— У меня нет чемпиона, — сказала она тихо.

Воин усмехнулся.

— Это правда. Все рыцари графства отказались. Мессир Гийом де Монтань сказал, что болен. Мессир Арно де Вильнёз — что уехал в паломничество. Мессир Тибо...

— Довольно, — перебила Элеонора. — Я поняла. Никто не хочет связываться с Монфором и епископом. Никто не хочет биться с Рено.

— Ты умрёшь, ведьма, — сказал воин без злобы, просто как констатацию факта. — Завтра. Или послезавтра. Костёр уже готовят на площади. Дрова везут из леса графа.

Он повернулся и ушёл. Шаги его эхом отдавались в каменном колодце лестницы.

Элеонора осталась одна. Она смотрела на каплю, которая повисла на потолке, набирала вес, срывалась и падала в лужу. Одна. Две. Три.

Она думала о том, как умрёт. Не о боли — она была врачом, она знала, что огонь убивает быстро, если дрова сухи. Она думала о том, что её имя будет запятнано. Что в хрониках напишут: «Элеонора де Рошфор, ведьма, сожжена по приговору Церкви». Что её отец будет забыт как еретик. Что род де Рошфор исчезнет.

И она думала о Гийоме.

Если он мёртв — она встретит его на том свете. Если жив — он никогда не узнает, что с ней случилось. Он будет искать её, может быть, вернётся, и найдёт только пепел на месте замка.

Прости меня, Гийом. Я не смогла сберечь ни себя, ни наш дом.

Она закрыла глаза и начала молиться. Не епископу Бертрану, не Церкви, которая её предала. Она молилась той Элеоноре, которая была в ней самой — той, что любила, что верила, что ждала. И тому, кого она ждала.

Если ты жив, Гийом... если ты где-то там... услышь меня. Я не нарушу клятву. Я умру, но не отрекусь от тебя. Ни от любви, ни от памяти.

В темнице было тихо. Только капля падала в лужу. Одна. Две. Три.

На следующее утро, когда её вели на поле, Элеонора шла с поднятой головой. Её волосы были растрёпаны, платье грязно, на запястьях — следы от цепей, но она не опускала глаз. Вокруг стояла толпа — крестьяне, горожане, мелкие рыцари. Они смотрели на неё с любопытством, со страхом, с жалостью. Некоторые шептали: «Ведьма». Другие — «Бедная девушка».

На трибунах, под балдахином, сидел епископ Бертран рядом с графом де Монфором. Монфор улыбался своей обычной улыбкой — вежливой, пустой. Епископ держал в руках распятие и книгу.

На другой стороне поля, на помосте, стоял Рено де Бомон.

Элеонора увидела его и поняла, что рассказы преувеличивали его рост лишь немного. Он был огромен — широкие плечи, руки, как у кузнеца, лицо, обветренное и грубое, с шрамом через всю щёку. Его доспехи были красными, как запёкшаяся кровь, а на щите — чёрный бык, идущий напролом. Он держал меч обеими руками, и меч этот был длиннее, чем у обычного человека.

Рядом с ним стоял его оруженосец, ведя под уздцы огромного боевого коня в красной попоне.

— Элеонора де Рошфор, — голос епископа разнёсся над полем. — Ты обвинена в ереси и колдовстве. Церковь, в милосердии своём, дарует тебе право на «Суд Божий». Являлся ли ты с чемпионом, который будет биться за твою невинность?

Элеонора молчала. Она знала, что должна ответить. Что должна попросить отсрочки, попытаться найти хоть кого-то. Но внутри неё была только пустота.

— Я... — начала она.

И в этот момент раздался звук, который заставил всех обернуться.

Звук копыт.

Не один конь — много. Но они шли не толпой, а вразнобой, лениво, словно всадникам было всё равно, куда они едут. Из-за поворота дороги, из-за холма, на поле выехали...

Элеонора не сразу поняла, что видит.

Сначала — пыль. Потом — силуэты. Пятеро всадников. Все в чёрных плащах с капюшонами, так что лиц не было видно. На груди у каждого — только одна эмблема: сломанное копье на чёрном поле. Никаких гербов. Никаких девизов.

Они въехали на поле, и толпа расступилась перед ними, словно перед призраками. Епископ привстал на своём месте. Монфор нахмурился.

Всадники остановились в тридцати шагах от трибуны. Один из них — тот, что ехал впереди, на вороном коне огромной силы — медленно спешил. Движения его были спокойными, уверенными, но в них чувствовалась скрытая мощь, как у сжатой пружины.

Он снял капюшон.

Элеонора не видела его лица — оно было в тени, и до неё дошло только, что это мужчина, молодой, с тёмными волосами, коротко остриженными. Но она увидела его глаза.

И что-то внутри неё дрогнуло.

Не потому, что она узнала его. Она не могла узнать — прошло четыре года, и она видела его в последний раз в капелле, целующим её руку перед отъездом. Но что-то в том, как он стоял, как держал руку на рукояти меча, как смотрел на неё — было до боли знакомым.

Незнакомец сделал шаг вперёд. Его голос, когда он заговорил, был тихим, но его слышали все.

— Я — её чемпион. Её рука в этом поединке, её меч и её кровь. Я бьюсь за её честь и невинность, и если я паду — она сгорит вместе со мной. Таков закон.

Епископ нахмурился.

— Кто ты, рыцарь? Назови своё имя и герб. По закону, каждый чемпион должен быть назван.

Незнакомец поднял голову. И впервые Элеонора увидела его лицо полностью.

Оно было худым, обветренным, со шрамом на щеке — тонким, белым, как нить. Глаза — серые, холодные, но в них горел огонь, который она... она...

Нет. Этого не может быть.

— Моё имя — Клятва, — сказал рыцарь. — Мой герб — Истина. Я не назову другого, ибо моё прошлое мертво, а моё настоящее — здесь, на этом поле.

Толпа загудела. Монфор привстал, его лицо стало багровым. Епископ побледнел.

— Это против закона, — сказал он. — Чемпион должен быть назван.

— Закон говорит — назван, — ответил рыцарь спокойно. — Я назван. Моё имя — Клятва. Если этого недостаточно, пусть мой меч скажет за меня.

Он бросил перчатку к ногам епископа. Перчатка упала на пыль с глухим звуком.

И в этот момент Элеонора поняла.

Она поняла, кто стоит перед ней. Она узнала не по лицу — лицо изменилось, постарело, загорело на чужих солнцах. Она узнала по тому, как он держал перчатку — тремя пальцами, как держал её четыре года назад, когда бросал вызов на турнире в Руане. По тому, как стоял — чуть боком, словно всегда готовый к удару. По тому, как смотрел на неё.

Гийом.

Слово прозвучало в её голове, как колокол. Она не смела произнести его вслух. Не смела даже подумать громко. Но внутри неё всё пело, кричало, рвалось к нему.

Он жив. Он вернулся. Он пришёл за мной.

Рыцарь в чёрном — тот, кого она оплакивала четыре года, — стоял в тридцати шагах от неё, и его глаза были прикованы к её лицу. Он не улыбался. Но в его взгляде было всё — и любовь, и ярость, и клятва.

Епископ колебался. Монфор что-то шептал ему на ухо. Толпа ждала.

Наконец епископ выпрямился.

— Хорошо, — сказал он медленно. — Клятва, так Клятва. Ты будешь биться за эту женщину. Но знай — если ты проиграешь, ты умрёшь вместе с ней. И твоя душа будет проклята, как душа еретика.

Рыцарь в чёрном кивнул.

— Я знаю закон, преподобный отец.

Он повернулся к Элеоноре. И на мгновение — только на мгновение — весь мир для неё сузился до его глаз. В них не было сомнения. Не было страха. Только клятва.

Я пришёл, Элеонора. Я вернулся.

Она не могла ответить. Не могла даже кивнуть. Но она смотрела на него, и в её глазах были все слова, которые она не смела произнести.

Я ждала. Я верила. Я люблю тебя.

Королевский сенешаль, сидевший рядом с епископом, ударил тяжелым жезлом о землю.

— «Суд Божий» состоится завтра в полдень! — провозгласил он, и епископ Бертран лишь молча осенил толпу крестным знамением. — До этого времени чемпион будет содержаться в капелле Святого Михаила..., а обвиняемая — в своей темнице. Никто не имеет права говорить с ними, ни передавать им ничего. Да будет так!

Толпа зашумела. Воины Монфора окружили рыцаря в чёрном, но он не сопротивлялся. Он спокойно позволил вести себя к капелле, и только один раз, уже у самых дверей, обернулся.

Элеонора смотрела на него. Он смотрел на неё.

И в этом взгляде была вся их история — и то, что было, и то, что будет. И клятва, которая сильнее смерти.

Её увели обратно в темницу. Дверь захлопнулась. Замок щёлкнул.

Элеонора опустилась на колени на холодный каменный пол и впервые за три недели заплакала. Но это были не слёзы отчаяния. Это были слёзы, которых она не плакала четыре года.

Гийом. Гийом. Гийом.

Она шептала его имя, как молитву. И где-то в капелле Святого Михаила, в тишине, нарушаемой только дыханием старого священника, рыцарь в чёрных доспехах стоял на коленях перед алтарём и тоже шептал... клятву.

Глава 2. Пятеро в чёрном

Капелла Святого Михаила была маленькой и холодной. Каменные стены, покрытые сыростью, узкие витражи, через которые пробивался тусклый свет, алтарь с потемневшим распятием. Здесь молились перед битвами, здесь отпевали мёртвых, здесь давали обеты, которые чаще всего нарушались.

Гийом де Валанс сидел на каменной скамье, откинувшись спиной к стене. Его чёрные доспехи были сняты — кольчуга, латная рубаха, наплечники лежали на полу кучей, словно шкура убитого зверя. На нём была только рубаха из грубого льна, пропитанная потом и кровью. Рана в плече, полученная три дня назад в стычке с пограничными разбойниками, горела огнём. Рёбра, сломанные в плену и так и не сросшиеся правильно, ныли при каждом вдохе.

Но он был жив.

Напротив него на коленях стоял Арман — один из пятерых, высокий, худой, с лицом, обветренным до цвета коры. Арман был хирургом, или, как говорили в его краях, «костоправом». Он обрезал грязной тряпкой край раны на плече Гийома, и тот не морщился, хотя боль была такой, словно ему в плечо вогнали раскалённый гвоздь.

— Ты должен был остаться в Нормандии, — сказал Арман тихо, не поднимая глаз. — Раны твои не зажили. Ты не сможешь держать меч.

— Смогу, — ответил Гийом. Голос его был хриплым — четыре года молчания, четыре года чужой речи, четыре года боли оставили след в его горле.

— Ты не сможешь, — повторил Арман упрямо. — Мессир Рено — это не разбойник на дороге. Он убьёт тебя, Гийом. Он убивал лучших.

Гийом посмотрел на него. В глазах Армана был страх — не за себя, за него. Арман был с ним два года, с тех пор, как Гийом вытащил его из сарацинской темницы, где он гнил за долги. Арман был должен ему жизнь, но Гийом никогда не напоминал об этом.

— Я не могу не биться, Арман. Ты знаешь это.

— Знаю, — вздохнул Арман. Он завязал повязку на плече Гийома. — Но ты мог хотя бы дать нам время подготовить тебя. Три дня — это мало.

— Три дня — это много, — сказал Гийом. — Четыре года я ждал, чтобы вернуться к ней. Три дня — это мало?

Арман не ответил. Он встал, вытер руки о тряпку и посмотрел на остальных четверых.

Они стояли у стен капеллы, молчаливые, неподвижные, как статуи. Пятеро в чёрном. Пятеро без гербов. Пятеро, которые прошли с ним через ад и вернулись вместе.

Первым был Жан де Монреаль — гигант, почти такой же большой, как Рено, но с лицом добрым, почти детским. Жан был наёмником, которого Гийом встретил в Тунисе. Жан убивал за золото, но однажды Гийом спас ему жизнь, закрыв своим щитом, и Жан поклялся служить ему до смерти.

Вторым был Пьер де Валь — маленький, юркий, с глазами, как у крысы. Пьер был вором и убийцей, но он был лучшим следопытом в королевстве. Гийом встретил его в лесу, когда Пьер пытался обокрасть его лагерь. Вместо того чтобы убить его, Гийом взял его с собой.

Третьим был Эдмар де Брис — бывший рыцарь-тамплиер, изгнанный из ордена за убийство. Эдмар был молчалив, жесток, но верен.

Четвёртым был Готье де Сен-Клер — единственный, кто был с Гийомом с самого начала, с того дня, как они вместе уехали в Святую землю. Готье был его знаменосцем, его другом, его братом. Он был ранен в той же битве, что и Гийом, но выжил, хоть и потерял руку. Теперь он держал меч левой рукой, и эта рука была сильнее, чем у многих — правая.

Пятым был сам Арман — хирург, костоправ, тот, кто чинил их тела, когда они ломались.

— Вы понимаете, что мы делаем? — спросил Гийом, обводя их взглядом. — Мы бросаем вызов графу де Монфору, епископу Бертрану, самому королю, если он поддержит их. Мы — пятеро против армии. Если мы проиграем — нас повесят. Или сожгут.

Жан де Монреаль усмехнулся.

— Мы уже были повешены, мессир. И сожжены. И утоплены. Что-то новое?

Пьер де Валь кивнул.

— Я уже горел на костре, мессир. В Марселе. Это было неприятно, но я выжил.

Эдмар де Брис промолчал. Он просто положил руку на рукоять меча — это был его ответ.

Готье де Сен-Клер шагнул вперёд. Его левая рука легла на плечо Гийома.

— Мы с тобой, Гийом. С того дня, как ты встал в Акре и сказал: «Мы идём домой». Мы с тобой.

Гийом закрыл глаза. Он чувствовал их присутствие — тёплое, надёжное, как огонь в очаге. Эти пятеро были всем, что у него осталось. Его семья, его братство, его клятва.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда слушайте.

И он начал рассказывать.

Он рассказывал не для них — они уже знали большую часть. Он рассказывал для себя, чтобы упорядочить мысли. Четыре года назад. Битва при Мансуре. Песок, кровь, крики. Плен в Каире. Цепь на ноге. пытки. Побег через год, когда его продали как раба в порт. Скитания по Сицилии и Италии. Возвращение во Францию.

И, наконец, как он узнал. В маленькой деревне у границы они остановились на ночь. В таверне сидел человек — грязный, оборванный, с глазами, полными страха. Это был беженец из графства Рошфор.

— Что случилось? — спросил Гийом.

Человек поднял на него глаза.

— Граф де Монфор... епископ Бертран... они забрали замок. Барон мёртв. Дочь... дочь барона... Элеонору де Рошфор. Говорят, она ведьма. Её судят. Завтра — «Суд Божий». Если за неё не найдётся чемпиона...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.